

ИРИНА МОНАХОВА

СТАРЫЕ РЕЦЕПТЫ ДЛЯ НЕРЕШЕННЫХ ПРОБЛЕМ

Гоголь и Белинский о путях развития России

Интересная судьба сложилась у письма В. Г. Белинского к Н. В. Гоголю по поводу его книги “Выбранные места из переписки с друзьями”. Оно приобрело столь широкую известность, какой не получало никакое другое частное письмо в российской истории. А в советское время содержание зальцбруннского послания Белинского было, наверное, более известно широкому кругу читателей, чем содержание той самой книги, о которой в нем идет речь.

Может быть, столь основательное знакомство с этим сочинением Белинского само по себе и полезно – оно и современному читателю может многое поведать. Если еще к этому прибавить и основательное знакомство с “Выбранными местами”, то сопоставление этих произведений может заставить о многом задуматься и сегодня, когда со времени их создания прошло уже более 160 лет. Впрочем, актуальность их сегодняшним днем, конечно, не ограничится.

Только нужно избавиться от примитивных ярлыков, некогда “приклеенных” к этим классикам и объявляющих “позднего” Белинского если не революционером, то во всяком случае предтечей революционеров, а “позднего” Гоголя – реакционером. К сожалению, эти нелепые штампы еще не исчезли до сих пор. Это мешает представить в настоящем виде идеи обоих классиков и увидеть в них то, что актуально для нас сегодня. Не был Гоголь реакционером. Его пристальное внимание к нравственному уровню современного ему общества и шокировавший многих призыв к христианизации жизни, прозвучавший в “Выбранных местах”, означают, что Гоголь решил обратиться к обществу напрямую с религиозной проповедью. Следование религиозным заповедям – это, возможно, и есть самый прямой путь эволюционного развития. Тем более что Гоголь убеждал всех не столько в церковь идти, сколько “призвать Христа к себе в дома”. Не был и Белинский революционером. Как известно, он довольно прохладно, с разочарованием отнесся к революционным событиям 1848 года во Франции.

Оба они писали об эволюционном развитии общества, правда, руководствуясь при этом разными побудительными мотивами. Белинский – сочувствием к обездоленным слоям населения. А Гоголь – прежде всего болью за нравственное несовершенство общества в целом, грозящее гибельными последствиями всем.

Более того, они оба, по существу, вели речь о влиянии христианства на жизнь. По мнению Гоголя, влияние религии должно выразиться в смягчении нравов. И тогда люди, находясь в тех условиях, которые есть сейчас, не дожидаясь внешних перемен, данных сверху – властью, сами, в силу своего

более гуманного, разумного и рационального отношения ко всему, смогут изменить многое в жизни. Таким образом, появятся начатки, ростки нового содержания. А затем эти внутренние изменения приведут и к изменению внешних форм — естественно и закономерно.

Белинский противопоставляет этой гоголевской логике уже имеющиеся достижения европейской цивилизации (гражданские свободы, права человека, просвещение, более прогрессивные, чем в России, законы и их выполнение), так как это и более гуманно по отношению к людям, и ближе христианскому идеалу. Позиция Белинского, отраженная в его письме, выдержана в духе идеалов Просвещения. Не случайно он упоминает Вольтера, противопоставляя его католической церкви. Правда, при этом вне его внимания остался тот факт, что без основательного многовекового влияния христианской церкви на общество не было бы и Просвещения, не сформировался бы и человек, проникнутый идеалами гуманизма и думающий не только о своей телесной оболочке, но и о душе. Не было бы и того же Вольтера, *“орудием насмешки потушившего в Европе костры фанатизма и невежества”*¹.

И Гоголь напоминает Белинскому об этой простой диалектике воздействия религии на жизнь и о зависимости степени гуманизма в обществе от этого воздействия, правда, лишь в неотправленном письме:

“Вы отделяете церковь от <Христа и> христианства, ту самую церковь, тех самых <...> пастырей, которые мученической <своей смертью> запечатлели истину всякого слова Христова, которые тысячами гибли под ножами и мечами убийц, молясь о них, и наконец утомили самих палачей, так что победители упали к ногам побежденных, и весь мир исповедал <это слово>”².

Белинский пишет о *результатах* влияния христианства на жизнь народов и ничего не упоминает о процессе — как это было и как это должно быть в России, чтобы достичь его влияния. Достаточно ли только реформ? Приведут ли аналогичные реформы к аналогичным результатам? Ведь существовало же христианство и в России (к тому же в качестве государственной религии), но, несмотря на его воздействие, законы к тому времени еще не стали гуманными, например, сохранились крепостное право и телесные наказания. Таким образом, дело не только в самом по себе существовании религии в обществе как своего рода закона, но еще и во внутренних свойствах людей. То есть имеет место огромная проблема низкого нравственного уровня человека и, следовательно, общества, что приводит к самым разным негативным последствиям и во внешних проявлениях — в социальной, политической, экономической областях. Что с этим делать?

Белинский эту проблему как будто вовсе не замечает, не говоря уже о ее решении. Но ясно, что без решения этой проблемы не может быть эффективной никакая реформа, никакое движение ни в каком направлении, потому что результат в итоге зависит от качества самого человека. Что делать с этим качеством, если оно ostявляет желать лучшего и в таком же негативном направлении влияет на всё?

Гоголь, в противоположность Белинскому, всецело сосредоточился на решении этого вопроса. И хотя, конечно, ни тот, ни другой не дали полного и исчерпывающего ответа, как усовершенствовать жизнь российского общества, но все-таки гоголевский подход был в данном случае более реалистичным. Гоголь мудрее, трезвее и объективнее оценивал ситуацию. Не зря он считался главой “натуральной”, то есть реалистической школы, хотя это и относилось к его художественным сочинениям. Но он и в своих проповеднических произведениях и идеях тоже был в высшей степени реалистом, действительно умеющим “обсмотреть” предмет с разных сторон. И кажется, что одной из этих сторон был даже и взгляд из будущего. Многие он если не предвидел, то предчувствовал.

Действительно, в будущем неоднократно повторялась ситуация, когда общество возлагало много надежд на реформы, надеясь с их помощью решить сразу все проблемы или многие из них. А потом разочаровывалось в результатах этих реформ. Потому что какие бы ни были прогрессивные цели и правильные лозунги, но при их практическом исполнении выступает на первый план качество самих исполнителей, которое наполняет конкретным содер-

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1956. Т. X, с. 214.

² Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. М., 1952. Т. XIII, с. 439–440.

жанием абстрактные идеи. А оно зачастую уводит куда-то далеко в сторону от тех лучезарных перспектив, которые поначалу рисовались в мечтах и планах. И в результате получается то, что соответствует не лозунгам и названиям, а качеству (то есть нравственному уровню) человека и общества в целом.

Таким образом, обмануть историческую судьбу не представляется возможным. Невозможно обществу достичь во внешних проявлениях того уровня, который не достигнут еще во внутреннем качестве.

Прежде чем совершить великое дело, нужно “состроиться” внутренне. Это одна из любимых мыслей Гоголя. Это правило, которое он применял, в первую очередь, к самому себе, но видел его универсальность во всех областях жизни, в том числе и в судьбах людей, и в исторической судьбе русского общества. Он писал в неотправленном письме Белинскому:

“Нужно вспомнить человеку, <что> он вовсе не материальная скотина, <но вы>сокий гражданин высокого небесно<го гра>жданства. Покуда <он хоть ско>лько-нибудь не будет жить жизнью <неб>есного гражданина, до тех пор не <пр>идет в порядок и зе<мное> гражданство”³.

Поэтому Гоголь и не стремился примкнуть ни к западникам, ни к славянофилам, так как и те, и другие в своих взглядах на пути развития России больше ориентировались на внешние преобразования. Только одни считали, что нужно провести реформы по западному образцу, а другие призывали обратиться к русским национальным традициям. Гоголя же в основном занимал вопрос: каким образом практически изменить к лучшему самого человека, его человеческие свойства, чтобы в улучшенном виде он мог соответствовать более совершенным и прогрессивным внешним формам общественного устройства. Ответу на этот вопрос посвящены “Выбранные места” и второй том “Мертвых душ”.

Белинский в зальцбруннском письме упрекал Гоголя, что тот слишком оторвался от жизни: “Вы столько уже лет привыкли смотреть на Россию из Вашего прекрасного далека, а ведь известно, что ничего нет легче, как изда- лека видеть предметы такими, какими нам хочется их видеть”⁴.

Сам же себя Белинский представлял понимающим действительность в самом реалистическом виде, а значит, наилучшим образом знающим самые насущные потребности того времени.

На первый взгляд, это так и есть, и Гоголь признавал, что он “слишком усредоточился в себе”, правда, замечая при этом, что Белинский “слишком разбросался”⁵.

Но теперь, воспринимая этот спор через прошедшее с тех пор время и зная о тех исторических событиях, которые для них обоих оставались в будущем, можно сделать вывод, что Гоголь все же был ближе к сущности понимания проблемы. И, кроме того, он был одним из немногих, кто вообще четко обозначал низкий уровень нравственного состояния общества как главный его недостаток и главную беду (а не внешние формы – политические или экономические). И не только обозначал, но и громко, во всеулышание заявлял об этом и стремился, как мог (издавая “Выбранные места”), этот недостаток исправить и беду уменьшить, рискуя прослыть сумасшедшим и стать “гласом вопиющего в пустыне”.

Такой вывод подтверждают и произошедшие с тех пор с российским обществом исторические события. Каждый раз после очередного этапа революций и реформ, когда проходят энтузиазм и эйфория, общество задумывается о своем нравственном состоянии, потому что это состояние его порой ужасает.

Таким образом, Гоголь в свое конкретное время решал проблему всех времен. Например, к настоящему времени в России уже произошли всевозможные революции и осуществлялись какие угодно реформы, а каких-либо действенных способов изменить к лучшему нравственный уровень общества не нашли и даже всеерьез не озадачились решением этой проблемы. Лишь ощутили ее наличие.

Исходя из общегуманных соображений, Белинский смотрел на ситуацию в России с такой точки зрения: насколько человеку хорошо жить здесь, не слишком ли много он страдает и как уменьшить его страдания.

³ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. М., 1952. Т. XIII, с. 443.

⁴ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1956. Т. X, с. 213.

⁵ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. М., 1952. Т. XIII, с. 361.

Гоголь об этом тоже думал и неустройство российской жизни чувствовал не меньше Белинского, а может быть, и больше. Апокалиптические настроения причудливо сочетаются с проповедническим энтузиазмом и во втором томе “Мертвых душ” (“Гибнет уже земля наша не от нашествия двадцати ино-
племенных языков, а от нас самих”), и в “Выбранных местах” (“Непонятной тоской уже загорелась земля; черствей и черствей становится жизнь; всё мельчает и мелеет. <...> Боже! Пусто и страшно становится в твоём мире!”)⁶.

Но при этом Гоголь имел в виду и более высокие и в то же время более основательные ориентиры: насколько человек выполняет свое предназначение в жизни, насколько он соответствует тем требованиям, которые ему даны свыше в виде религиозных заповедей. Идет ли он к спасению души, совершенствуя себя и оказывая благотворное влияние на окружающих? Насколько российское общество вообще осознает свою обязанность в этом плане? Ведь оно создано на религиозной, христианской основе. (Да и другие религии основаны на тех же, в сущности, основных положениях и главное требование к человеку выдвигают то же – любить Бога и ближнего.) Существует ли в обществе вообще такая идея, что, помимо необходимости соответствовать требованиям прогресса, есть еще и более основательные требования, продиктованные самым основным законом – принятой когда-то обществом религией, определенной в основном его идеологию?

Если нет, если эта основная задача и обязанность не выполняется и даже не осознается обществом, то теряют смысл другие обстоятельства – достаточно ли комфортно такое общество живет, не слишком ли много оно страдает и т. д. Бесплезно и уповать на какие-либо внешние преобразования, не решая этого главного вопроса.

Тогда как помочь человеку понять его главную обязанность и выполнить ее? Как сподвигнуть более сознательно, таким образом, относиться к своей жизни – и более серьезно, всегда помня об ответе за всё совершаемое? Как повернуть не столько законы, сколько душу человека, его существо, к благу, чтобы вследствие этого не было ни уродливых отношений, ни антигуманных законов? Вот какую задачу пытался решить Гоголь.

Конкретные недостатки (например, затянувшееся существование крепостного права) – это проявления болезни, а не ее причины. Осуществив реформы, можно устранить последствия. А причина при этом остается, так как она заключается в самом характере человека (общества), его внутренних свойствах, которые остаются неизменными. Что с этим делать? Если ничего не делать, то вместо этого последствия будут другие – аналогичные. Это как рубить головы гидры – тут же вырастают новые.

Вот эту глубинную, основную проблему видел Гоголь и думал, как практически ее решить в то время, когда он жил, и в тех условиях, в которых находилась тогда Россия.

Гоголь, как видно из его произведений и писем, настолько сильно чувствовал главную проблему современного ему общества – недостаток христианизации жизни – и ее опасность для России, что, возможно, это затмевало для него многое другое. И хотя свою сосредоточенность на этих вопросах он в письме Белинскому дипломатично назвал “усредоточением в себе”, но все-таки и в дальнейшем он остался в уверенности, что писал о главном. Это подтверждает и второй том “Мертвых душ” (судя по сохранившимся главам).

Описание во втором томе “Мертвых душ” помещика Костанжогло – это продолжение мыслей “Выбранных мест”. Таким образом, Гоголь не отказался от своих идей, а стремился объяснить их наиболее убедительным для читателей способом – в художественной форме.

Хотя Гоголь писал о “власти свыше” помещика над крестьянами, но для чего он подразумевал необходимой и имеющей смысл эту власть? Только для организации жизни крестьян на основаниях христианской нравственности. Для этого, правда, помещик должен стать чем-то качественно иным, чем был на самом деле: и хозяином, и приказчиком, и благотворителем, и судьей, и проповедником. Словом, должен отречься от себя, от своих эгоистических устремлений, и полностью посвятить свою жизнь перевоспитанию крестьян и заботе об организации их жизни на правильных основах. В результате он должен сделать из них достойных христиан – трудящихся, состоятельных и

⁶ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. М., 1952. Т. VIII, с. 416.

добродетельных. Фактически помещик должен по своей инициативе взять на себя огромные обязанности, выполнение которых – на грани человеческих сил (потому что есть большой соблазн не быть вовсе никаким подвижником, а просто пользоваться благами, данными судьбой). От помещика тут требуется сделать самое главное и трудное – подействовать на души людей (прежде всего, своим примером) и отвечать за это перед Богом.

И настолько он должен внутренне усовершенствоваться, что даже стать «напутником» священнику, и его тоже воспитывая. Как бы предвидя критику Белинского в адрес попов (*“Большинство <...> нашего духовенства всегда отличалось только толстыми брюхами, теологическим педантизмом да диким невежеством”*⁷), Гоголь в “Выбранных местах” признает, что нет идеальных священников, и советует помещикам напутствовать их:

*“Выбрось даже из головы, чтобы мог отыскаться священник, вполне отвечающий твоему идеалу. Никакая семинария и никакая школа не может так воспитать священника. В семинарии он получает только начальное основание своего воспитания, образуется же вполне в деле жизни. Будь сам ему напутником”*⁸.

Не надеясь на профессиональных судей, помещик должен сам осуществлять суд и одновременно проповедовать, используя саму ситуацию суда над нерадивым крестьянином как повод поучать и наставлять его, “прицепившись” к его проступкам (глава “Сельский суд и расправа”).

Помещик ли уже это в обычном понимании этого слова? Нет. Это что-то совсем другое. И он сам, и крестьяне в его поместье, и их отношения, и вся жизнь на этой земле – это совершенно иное явление, чем то, что существовало на самом деле тогда в России. И только названия, обозначения здесь прежние: помещик, крепостные. Фактически за эти названия и критиковали Гоголя; в частности, Белинский назвал его “проповедником кнута, апостолом невежества”.

Возможно, Гоголь так увлекся, что действительно и не заметил, что так реалистично изобразил утопию. Правда, эту утопичность хорошо заметили его современники, да и читатели последующих поколений тоже, и нашли ее вполне нелепой, ужасной и в то же время смешной.

Но если присмотреться пристальнее к этой утопии и сравнить ее с различными альтернативами, то станет ясно, что никаких идеальных и беспроblemных альтернатив нет. Поскольку любые внешние перемены проходят мимо главной задачи – преобразования самого человека, его качества, то сами по себе они не решают всех проблем и не распутывают всех противоречий в обществе.

Например, после отмены крепостного права были, как известно, убийство царя-освободителя, несколько революций, сталинская диктатура, ГУЛАГ. Знание этого исторического опыта уже заставляет совсем по-другому посмотреть на “утопию” Гоголя. И, во всяком случае, смешной она уже не кажется.

И возникает вопрос: действительно ли Гоголь, заботившийся о христианском преобразении человека, написал утопию, или утопией как раз является намерение только лишь экономической или политической реформой преобразовать жизнь и обеспечить эволюционное развитие? И не был ли его подход как раз самым реалистичным и видимый им путь – самым прямым и коротким, по сравнению с которым утопией могут показаться как раз другие, гораздо более околные пути?

Ведь предлагаемый Гоголем образ жизни – это не идеал навсегда, а путь. Путь к более разумно устроенному и благополучному обществу. Путь, который можно начать с любого момента, при любых условиях, в любом состоянии. И даже в тех условиях, которые существовали во времена Гоголя.

Вот почему Гоголь внимательно рассматривает взаимоотношения помещика и крепостных крестьян – потому что именно эта ситуация существовала тогда, и люди находились тогда именно в таких отношениях друг к другу, а все не из-за любви к крепостному праву, которой, конечно, у него не было.

И в то же время, внимательно рассмотрев эту ситуацию, Гоголь показал в ней то, что может способствовать благу, как это ни может показаться парадоксальным.

⁷ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1956. Т. X, с. 215.

⁸ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. М., 1952. Т. VIII, с. 325.

Логичное продолжение приобрели эти мысли в главе “Занимающему важное место”, которая была запрещена цензурой в прижизненном издании “Выбранных мест”. Здесь уже в качестве “напутника” дворян и чиновников выступает генерал-губернатор (так же, как князь во втором томе “Мертвых душ”). И если помещик еще не достиг необходимых для воспитания крестьян нравственных качеств, то на него в этом направлении должен повлиять губернатор, так же как и на всех дворян вообще. Они же, в свою очередь, должны достигнутое ими “нравственное благородство” распространить на всё общество, в чем и заключается истинное предназначение этого сословия.

Говоря об устройстве жизни в существовавших тогда условиях, Гоголь подчеркивал лишь важную мысль, что с любого места, где бы человек ни находился (и общество в целом), можно начинать эволюционное развитие, основанное на нравственном преобразовании человека. С любого места без исключения – будь то и жизнь при крепостном праве.

Эволюция подразумевает и перемены внешние, вырастающие на основе внутренних. И Гоголь писал о нравственном росте человека не только как о том, что ценно само по себе, но и как о необходимой основе для преобразования общества:

“Общество тогда только поправится, когда всякий частный человек займется собою и будет жить как христианин, служа Богу теми орудиями, какие ему даны, и стараясь иметь доброе влияние на небольшой круг людей, его окружающих. Всё придет тогда в порядок, сами собой установятся тогда правильные отношения между людьми, определятся пределы законные всему. И человечество двинется вперед”⁹.

Тогда результатом могут стать те достижения, которые были так необходимы России и образцы которых Белинский видел в западной цивилизации:

“Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пизтизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и навозе, права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью, и строгое, по возможности, их выполнение”¹⁰.

Справедливые права и законы и строгое их выполнение – это и есть те самые “правильные отношения между людьми” и “пределы законные всему”, к которым стремились и Гоголь, и Белинский. Но для Белинского это был лишь положительный пример из чужестранной истории и в основном мечта. Он хотел бы, чтобы подобные отношения сами собой вдруг возникли и в России. А какой путь нужно к этому пройти человеку (обществу) и что должно его двигать на этом пути – именно в сторону смягчения нравов, а не в другую? Этими вопросами Белинский не задавался. Однако такой движущей силой является только религия, и, не пройдя под ее влиянием необходимого пути, нельзя достичь и желаемого результата, сколько бы ни приходилось мечтать о нем.

Для Гоголя же, который тоже стремился к усовершенствованию общества, это была не только мечта, но и реальная цель, о пути достижения которой он и писал в “Выбранных местах”. Идею движения по этому пути он и проповедовал. Гоголь подробно описал этот путь – как можно практически ежедневным трудом создавать то чаемое благополучие в общественных отношениях, о котором мечтал Белинский, связывая его только с будущим и с ожидаемыми реформами.

Сам Гоголь, уезжая в 1836 году за границу, провел свою “мини-реформу” по отношению к своему слуге Якиму – отпустил было его на свободу. Но тот не пожелал уйти от господ (по-видимому, просто некуда было идти), наглядно подтвердив, что одно дело – даруемая извне свобода, другое дело – способность ей соответствовать. Это целый путь, большой труд, а не только момент реформы. Иначе несвобода может показаться лучше свободы. Об этом пути и труде и писал Гоголь в “Выбранных местах” и втором томе “Мертвых душ”.

Еще один пример из биографии Гоголя. В последние годы жизни он переписывался и общался лично с богатым черниговским помещиком А. М. Марковичем, который представлял собой редкий пример помещика, от-

⁹ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. М., 1952. Т. IX, с. 494.

¹⁰ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1956. Т. X, с. 213.

личавшегося человеколюбием по отношению к крестьянам и прогрессивными взглядами в отношении их судьбы. Он создал в своем поместье больницу и училище для крестьян. Позже он представил на утверждение правительства проект освобождения своих крепостных. Однако в правительстве к этому проекту отнеслись отрицательно, опасаясь вредных последствий, и не сочли возможным представить его на рассмотрение царю. В конце жизни Маркович участвовал в “Черниговском комитете об улучшении жизни помещичьих крестьян” и, по воспоминаниям современников, постоянно оставался там в меньшинстве из-за своих слишком прогрессивных взглядов.

Гоголя очень интересовал такой положительный тип его современника. Хотя это явление встречалось нечасто, но это был не художественный образ “правильного” помещика в “Мертвых душах” (Костанжогло) и не общие рассуждения на эту тему в “Выбранных местах”. Это была часть жизни тогдашнего российского общества, которая не в литературе, а на самом деле показывала возможности много, положительного его развития даже в тех условиях, которые тогда были, вернее, начиная с тех условий, чтобы улучшить их.

Мысль о том, что на любом месте и в любых условиях можно что-то делать для преобразования жизни на христианских, а значит, более нравственных началах, — это одна из самых любимых мыслей Гоголя, как видно из “Выбранных мест”. Наверное, какая ситуация ни существовала бы при Гоголе в России, он всё равно написал бы о пути преобразования человека, живущего в той ситуации. То есть о том, как могли бы действовать его современники в этих конкретных условиях, желая устроить жизнь к лучшему. Но основа любых конкретных советов была бы одна — воплощение в жизнь христианских заповедей — как максимально реалистический и самый эффективный подход к решению этой проблемы.

Но насколько обществом осознана эффективность такого подхода? Насколько оно готово видеть на каждом месте возможность нравственного роста? Или оно, скорее, готово увлекаться другими, более заманчивыми ориентирами, которые при ближайшем рассмотрении как раз и оказываются утопиями?

И напрашивается вывод, что утопичность — это как раз свойство общественного сознания, когда оно стремится определить пути будущего развития общества.

Но для того и дан исторический опыт, чтобы эту утопичность корректировать в должном направлении — то есть реалистическом, более близком к истинному. А кроме исторического опыта, еще для этого есть и такие образцы публицистического, проповеднического и даже пророческого слова, как “Выбранные места из переписки с друзьями” и письмо Белинского к Гоголю по поводу этой книги. Из них обоих мы должны извлечь урок. Оба они, увиденные сквозь призму прошедшего с тех пор времени, могут многое сказать нам и во многом помочь при нашем желании услышать обращенные к нам многозначительные слова. И неважно, что были они сказаны уже более чем полтора века назад.

Гоголь писал в одном из писем:

“Человечество бежит опрометью, никто не стоит на месте; пусть его бежит, так нужно. Но горе тем, которые поставлены стоять недвижно у огня истины, если они увлекутся общим движеньем, хотя бы даже с тем, чтобы образумить тех, которые мчатся. Хоровод этот кружится, кружится, а наконец может вдруг обратиться на место, где огни истины. Что ж, если он не найдет на своих местах блюстителей, и если увидят, что святые огни пылают не полным светом? Не опровержением минутного, а утверждением вечного должны заниматься многие, которым Бог дал не общие всем дары”¹¹.

Сам Гоголь вполне следовал этому правилу, и все произведения, в том числе “Выбранные места”, писал не только для современников, но и для потомков. Сочинения же, оказавшиеся, по его мнению, недостойными внимания публики, он сжигал. А “Выбранные места”, несмотря ни на какие мнения о них, он предполагал включить в собрание сочинений¹².

¹¹ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. М., 1952. Т. XII, с. 214.

¹² По воспоминаниям Г. П. Данилевского, посетившего вместе с О. М. Бодянским осенью 1851 г. Н. В. Гоголя, он рассказал им о подготовке своего собрания сочинений: “— А “Переписка”? — спросил Бодянский. — Она войдет в шестой том; там будут помещены письма к близким и родным, изданные и неизданные... Но это уже, разумеется, явится... после моей смерти”. (Гоголь в воспоминаниях современников. М., 1952, с. 439.)

Правда, готовые конкретные советы для сегодняшнего дня из этих произведений получить нам труднее, чем современникам Гоголя и Белинского. Однако они (произведения) отражают вечное противоречие: самого реального и эффективного пути развития, кажущегося утопией, и утопичного пути, представляющегося внешне самым реальным и эффективным. Это противоречие в неизменном виде сохранилось до сих пор и не собирается исчезать. Его конкретные проявления встречаются повсеместно.

Не проходит и дня без реформ и разговоров о них. Но, кажется, нет ни одного четкого и громкого голоса, который во всеуслышание напомнил бы о нравственном преобразовании человека как единственном действительно эффективном пути развития. Пусть даже он был бы и “гласом вопиющего в пустыне”, но и это было бы небесполезно. Словом, есть много последователей Белинского и нет ни одного явления, подобного “Выбранным местам”. Что ж, тем внимательнее мы должны отнестись к этой книге и извлечь из нее уроки для себя.

Вот, например, в главе “Русской помещик” Гоголь советует помещикам просвещать крестьян исключительно в области закона Божия, а остальные книги считать ненужными им и вообще грамоту заменять беседами со священником, а также напоминать о христианских заповедях всегда во всех ситуациях житейских. На первый взгляд, Гоголь тут выглядит ужасным ретроградом и врагом просвещения, что странно и неожиданно для писателя. И Белинский, руководствуясь таким первым впечатлением, обрушивает на него гневную тираду:

*“Великий писатель, который своими дивно-художественными, глубоко-истинными творениями так могущественно содействовал самосознанию России, давши ей возможность взглянуть на себя самое как будто в зеркале, — является с книгою, в которой во имя Христа и церкви учит варвара-помещика наживать от крестьян больше денег, ругая их **неумытыми рылами!**...”¹³*

Однако при ближайшем рассмотрении можно увидеть, что ничего сверхъестественного с Гоголем не произошло и он не превратился вдруг из человека просвещенного в мракобеса. Просто, советуя ограничиться лишь духовным просвещением крестьян, он фактически предлагает своего рода религиозную диктатуру. При этом крепостная зависимость крестьян от помещиков является основой такой диктатуры — крестьянин поневоле должен в такой ситуации перевоспитываться. Таким образом, Гоголь нашел возможность извлечь из столь ужасного явления, как крепостное право, основу для великого, по существу, дела. Как всякая диктатура, она выглядит, наверное, некрасиво. Однако Гоголь совершенно четко указал единственно возможный путь благотворного воздействия на душу человека, а значит, на его качество — это влияние религии.

Диктатура религии — что-то подобное было уже в Западной Европе в Средние века. Возможно, и на Руси это было бы тогда уместно, но не произошло. Гоголь, таким образом, предлагает как бы наверстать упущенное, хотя бы отчасти.

Белинский так остроумно и страстно ополчился на эту идею Гоголя, таким атеистом представил русского человека и таким героем — Вольтера, что сразу становится ясно: поздно, конечно, наверстывать упущенное, поздно мечтать о диктатуре религии. Но тем не менее другого действенного средства нет, просто не существует на свете.

Сказать, что Гоголь понимал всю сложность, может быть, даже неразрешимость и в то же время насущность этой проблемы — значит, ничего не сказать. Он, кажется, никогда не забывал о ней и жил с осознанием ее всю жизнь, чувствовал ее как свою личную драму и свое личное, очень важное для него дело.

В сущности, о том же самом идет речь и в двух последующих главах — “Исторический живописец Иванов” и “Чем должна быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России”. В обоих случаях речь идет о том, каким должен быть человек, преображенный религией. В первом случае речь идет о человеке, с которым это преображение уже произошло и он ушел в свое дело (создание картины), как в монастырь, и обрел такую духовную крепость, которая редко кому свойственна, в том числе среди художников. В другом случае к такой крепости Гоголь призывает стремиться любому обывателю, не создающему никаких великих произведений. И де-

¹³ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1956. Т. X, с. 213-214.

ло не в том, каким путем человек к этому придет — путем одних только молитв или еще каких-то средств (например, разделения денег на разные кучи, каждая из которых предназначена на определенные цели). Важно то, чтобы он преодолел расплывчатость и обмелъчание, свойственные современному человеку, ставшему рабом своих самых пустых капризов.

В словах Гоголя слышна ностальгия по человеку, сильному духом и одухотворенному религиозным восприятием всей жизни, как бы такой человек существовал когда-то и теперь утерян:

“Дрянь и тряпка стал всяк человек; обратил сам себя в подлое подножье всего и в раба самых пустейших и мелких обстоятельств, и нет теперь нигде свободы в ее истинном смысле. <...> Свобода не в том, чтобы говорить произволу своих желаний: да, но в том, чтобы уметь сказать им: нет”¹⁴.

Здесь та же тоска по одухотворенной жизни, что звучит и в известном восклицании автора “Миргорода”: “Скучно на этом свете, господа!” Но в отличие от автора “Миргорода” автор “Выбранных мест” не только тоскует о когда-то бывших исполинах духа, наподобие “православных рыцарей” из “Тараса Бульбы”, но и пытается воссоздать, вернуть хоть бледный отсвет того великого света.

Рассмотрев с духовных позиций всё российское общество своего времени, от крестьян до монарха, и поняв некий глубинный смысл его устройства и его потенциальных возможностей, Гоголь в “Выбранных местах” фактически создал новую “энциклопедию русской жизни” — теперь уже с точки зрения ее нравственного состояния. (Как известно, художественной “энциклопедией русской жизни”, по выражению Белинского, ранее стал пушкинский “Евгений Онегин”.)

* * *

Гоголь не зря просил перечитывать книгу “Выбранные места из переписки с друзьями” — и неоднократно. Действительно, в отличие от его художественных произведений, которые сразу и навсегда запечатлеваются в памяти довольно ярко, “Выбранные места” открываются не сразу. К пониманию их нужно пройти некоторый путь, так что это должно быть не просто механическое перечитывание, а постижение.

Сначала они просто шокируют своей необычностью и по сравнению с другими произведениями Гоголя и вообще с тем, что обычно принято считать литературой.

Потом становится понятно, что это исповедь и проповедь одновременно.

Потом — что исповедальные мотивы здесь нужны, только чтобы убедительнее и действеннее осуществить ту же проповедь. То есть и то, что кажется исповедью, — это тоже проповедь, хотя и под видом исповеди. Словом, всё это своего рода проповедь христианства, но осуществляемая не священником, а писателем — глубоко верующим человеком. Но, правда, от этого понимания впечатление от книги не становится менее шокирующим.

Потом наконец становится ясно, насколько всё в “Выбранных местах” современно и сейчас, несмотря на некоторые реалии, теперь уже устаревшие (крепостное право, монархия и др.). Потому что в сущности речь идет о вечных для России проблемах, о которых говорилось и до Гоголя (может быть, не так громко и подробно), и особенно много после Гоголя, а их решение так до сих пор и не найдено.

Как не было многочисленного среднего класса, который стал бы основой стабильности в обществе, так его и нет. (Именно эту проблему, чувствуя ее особенную важность, по существу, предлагал решить Гоголь, советуя помещикам воспитывать своих крестьян трудолюбивыми и помогать им жить в достатке. Хотя это еще не средний класс, но это путь к его созданию. Такие крестьяне были бы больше готовы к свободе и меньше нуждались бы в революции. Правда, этот последний фактор стал актуальным позже, и тогда примерно такого же рода средний класс, то есть самостоятельных зажиточных крестьян, попытался в срочном порядке создать П. А. Столыпин путем своих известных реформ.)

¹⁴ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. М., 1952. Т. VIII, с. 341.

Как было мечтой существование такого правителя, который весь был бы любовь к народу, так это и остается мечтой.

Как был исключительным явлением художник, ушедший в свое дело, как в монастырь, так это и сейчас есть.

Как была ситуация, обозначенная еще за несколько веков до Гоголя следующим образом: “красота церковная велика, а правды нет”, так и остается она таковой до сих пор.

Когда, наконец, понимаешь, насколько всё, сказанное Гоголем, близко нам, сегодняшним его читателям, тогда, наверное, можно сказать, что эта книга действительно прочитана и понята и путь к ней пройден весь или в основном пройден.

По-видимому, есть и еще одна степень понимания – наивысшая. Это когда что-то из сказанного Гоголем практически повлияет на мысли и действия его читателей, а значит – в какой-то степени – на жизнь соотечественников. Такой ведь и была цель книги – влияние на жизнь, а не просто изложение своих мыслей.

Таков путь к постижению этой книги, и, возможно, пройти его быстро нельзя и нужно на этом пути расти внутренне и не останавливаться на первом впечатлении.

* * *

Возвращаясь к письму Белинского, необходимо отметить, что он как раз и имел только первое впечатление и волею судьбы вынужден был только им и ограничиться.

Кроме того, Белинский знал “Выбранные места” в сокращенном цензурой виде. Наиболее острые главы, которые показывали, что Гоголь не хуже Белинского чувствовал тяжесть назревших в России проблем и надвигающуюся грозу из-за сложившихся противоречий в российском обществе, были цензурой запрещены. Это главы “Нужно любить Россию”, “Нужно проездиться по России”, “Что такое губернаторша”, “Страхи и ужасы России”, “Занимающему важное место”.

Взаимоотношения Гоголя и Белинского застыли в самый негативный момент наибольшего разногласия, как в немой сцене в финале “Ревизора”. И вот в результате этого нам пришлось навсегда запомнить Гоголя и Белинского как некие противоположные стороны и носителей взаимоисключающих мнений. Но это произошло только из-за того, что Белинский в этот момент умер. Проживи он более, он, возможно, изменил бы в какой-то степени свои взгляды, как это было и раньше. Ведь когда-то он увлекался “примирением с действительностью”, а потом всё это назвал “гнусным” – и действительность, и своё стремление примириться с ней. Когда-то критиковал ученые статьи Гоголя из сборника “Арабески”, а через несколько лет раскаивался в этом.

При своих выдающихся способностях к развитию и восприимчивости нового и необыкновенно стремительных темпах этого развития Белинский вполне мог проникнуться пониманием и уважением к идеям Гоголя, но не сразу, а постепенно, со временем – если бы это время было в его распоряжении. Ведь начало же, хотя и очень медленно, меняться отношение современников к Гоголю как духовному писателю вскоре после его смерти. И уже в 1850-е годы Чернышевский, далекий по своим идеологическим убеждениям от Гоголя и близкий к Белинскому, в статьях о Гоголе стремился доказать искренность автора “Выбранных мест”, назвав его *“человеком слишком высоких и слишком сильных стремлений”*¹⁵.

Но как бы то ни было, наше дело – современных читателей Гоголя и Белинского – не столько сосредотачивать внимание на их противоречиях, сколько извлечь пользу для себя из их произведений – из того, что в них есть непреходящего. Исторически оставшиеся навсегда в ссоре, они во внимании и в понимании читателей должны достичь объединения своих идей.

Читателю же, привыкшему воспринимать “Выбранные места из переписки с друзьями” Гоголя и зальцбруннское письмо Белинского как свидетельства об их непримиримых противоречиях и быть неким сторонним наблюда-

¹⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1948. Т. IV, с. 450.

телем этой полемики, оценивающим, кто прав, а кто виноват, кто победил, а кто проиграл, – полезно, помимо роли этакого судьи, раздающего оценки, побывать и в роли ученика. Отодвинув на второй план эмоциональную сторону, сосредоточиться на содержательной и постараться не столько оценивать или сочувствовать, сколько поучиться. Усвоить рациональное зерно, содержащееся и в том, и в другом произведении. Для этого они, собственно, и были написаны. Только такой подход позволит извлечь пользу как в наше время, так и в любое другое время из этих необычных публицистических и проповеднических произведений.